

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9316

EDN: WGPMFA

И. Н. ВОРОБЬЕВА¹, Т. А. ГУЖАВИНА²

¹ Череповецкий государственный университет.
162600, Череповец, пр. Луначарского, д. 5.

² Вологодский научный центр РАН.
160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Аннотация. Важнейший ресурс развития территории, обеспечивающий динамизм и адаптацию к переменам, — деятельностная энергия общества. Деятельностный ресурс города, региона, поселения, на наш взгляд, может быть измерен развитостью практик социального участия его населения. Основными видами социального участия являются вовлеченность в формальные общественные организации, неформальное участие, заключающееся в коллективных практиках без членства в организациях, и практики помогающего поведения, которые могут иметь сугубо личный характер. На уровень социального участия влияют внешние и внутренние факторы. Внешними являются социально-экономические характеристики региона, численность и активность организаций, деятельность органов власти по стимулированию и вовлечению населения в практики участия. К внутренним факторам отнесем мотивацию к участию, установки, ориентиры, которые движут населением. Базовая гипотеза исследования заключается в том, что основополагающим мотивом социального участия является создание сети социальных связей, расширение контактов, что способствует формированию социального капитала. При этом различные формы социального участия обладают разным потенциалом для формирования социального капитала. Парадоксально, но активнее всего он формируется в рамках практик неформального участия. Для доказательства данной гипотезы используются достаточно известные и широко применяемые в теоретической и практической исследовательской деятельности категории социального капитала и социальных ресурсов. Эмпирической базой исследования стал репрезентативный опрос населения Вологодской области. Было выявлено, что в качестве наиболее важных мотивов включенности в деятельность общественных организаций и вовлеченности в практики неформального участия наиболее активные слои населения называют «общение с интересными людьми», «полезные связи», а также то, что «появляются новые друзья». Социальное участие выступает как механизм формирования личного социального капитала. Сопутствующим результатом становится

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

формирование группового социального капитала и социального капитала территориального сообщества в целом. Таким образом, процесс идет снизу, о чем упоминал еще Р. Патнэм. Происходит это за счет расширения сетей и повышения солидарности, ответственности и готовности объединяться, что, в свою очередь, стимулирует участие и становится важным социальным эффектом для развития территории. Практическая значимость исследования заключается в выявлении ядра мотивации деятельных слоев населения, что служит ориентиром для построения политики вовлечения более инертных групп в практики социального участия.

Ключевые слова: социальный капитал; социальные ресурсы; социальные сети; солидарность; социальное участие; мотивация участия.

Для цитирования: *Воробьева И.Н., Гужавина Т.А.* Социальный капитал как фактор социального участия: кейс Вологодской области // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 4. С. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9316 EDN: WGPMFA

Постановка исследовательской задачи

Для решения возникающих в процессе общественного развития проблем требуется деятельностная энергия общества, которая обеспечивает как динамизм развития, так и адаптацию к быстрым переменам, что сказывается на характере социально-экономических и социокультурных процессов. По мнению отечественных ученых, для современного общества многократно возрастает потребность в инновациях, это способствует росту потребности в участниках инновационной деятельности [4]. Именно они могут рассматриваться как носители перемен. По нашему убеждению, к данной группе можно отнести ту часть населения, которая в наибольшей степени вовлечена в разнообразные практики социального участия и коллективных действий, имеющих позитивную направленность. Это делает их драйвером развития как для территории проживания, так и для всего сообщества. В данном контексте важное значение приобретают социальные ресурсы, которыми обладает наиболее активное население, включенное в практики социального участия. Не вызывает сомнения и важность изучения мотивов деятельности, установок, ценностных ориентиров данных субъектов. Более того, понимание ядра мотивации их социальной активности поможет выстроить политику вовлечения более инертных групп населения в практики социального участия.

Теоретические рамки исследования

Теоретико-методологический подход в изучении разных аспектов заявленной проблематики основан на таких частично взаимосвязанных конструктах, как социальный капитал, социальный ресурс и социальное участие. Первые две категории имеют много общего. Очень часто отечественные авторы, занимающиеся проблематикой социальных ресурсов и социального капитала, обращаются к трудам

П. Бурдье, Р. Патнэма, Дж. Коулмана, чьи работы считаются в научном сообществе классическими.

Увязка категорий социального капитала и социального ресурса в работах П. Бурдье представляется следующим образом: ресурс превращается в капитал при условии востребованности агентами социальных полей и легитимированности его как ценности. Это позволило определить социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, с членством в группе» [16, р. 102–103]. Из определения П. Бурдье очевидно, что социальный капитал включает социальные отношения, которые открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы, а также что качество социального капитала равно качеству этих ресурсов. Приращение социального капитала происходит путем поддержания «взаимовыгодных» условий укрепления доверия, связей, формирования сетей взаимодействий, обеспечивающих капитализацию взаимодействующих акторов. Подход к социальному капиталу, сформулированный П. Бурдье, является основополагающей теоретико-методологической базой для исследования социального капитала в значительной части работ, посвященных этой тематике. Именно на этот подход мы опирались в своем исследовании. Также базовым постулатом для нас в подходе П. Бурдье является утверждение о том, что от распределения капитала в пространстве социальных отношений зависит социальное поведение индивидов. Таким образом, социальное участие мы рассматриваем как форму социального поведения, возникающую как следствие действия механизма формирования социального капитала из социального ресурса.

Тема капитала была обоснована и в трудах Дж. Коулмена, по мнению которого социальный капитал — это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый на целерациональной основе в межличностных отношениях. Его формированию способствуют обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы. Как и другие формы капитала, социальный капитал продуктивен, но, в отличие от них, он содержится в структуре отношений между людьми и среди людей. В связи с этим Дж. Коулмен довольно подробно останавливается на характеристике физического и человеческого капитала и их отличиях от социального [18]. Он считает, что «все социальные отношения и социальные структуры способствуют развитию некоторых форм социального капитала» [5, с. 129].

Ресурсный подход мы наблюдаем и у Р. Патнэма. Он рассматривает социальный капитал как ресурс, призванный обеспечить солидарность общества и способствовать его развитию. В его трудах социальный капитал предстает как элемент общественной организа-

ции (социальные сети, социальные нормы и доверие). Он обращает внимание на способность социального капитала увеличить отдачу от инвестирования в физический и человеческий капитал, что приводит к более эффективному экономическому росту и социально-экономическому развитию. «Социальный капитал, — пишет Р. Патнэм, — воплощенный в нормах и сетях гражданского участия, является, по всей вероятности, предварительным условием экономического процветания, как и эффективное самоуправление» [9, с. 80].

Заслуга активного введения термина «социальный капитал» принадлежит Г. Лоури, который трактует его как естественно возникающие социальные отношения между людьми, развивающие или помогающие развитию определенного набора навыков или характеристик, ценных на рынке [22].

В целом изучение категории социального капитала, его осмысление и роль сетей в данном конструкте получили развитие и в более современных источниках как в зарубежной [17; 20], так и в отечественной литературе [2; 13]. Так, В.В. Радаев обращает внимание на то, что социальный капитал в ряду прочих форм занимает особое место, поскольку саму субстанцию капитала образуют отношения, которые порождают действия [11].

Близость концепта социального капитала с ресурсным подходом во многом основана на трактовке роли и значения социальных сетей. Сетевой компонент рассматривается в качестве структурного элемента социального капитала, способствующего его объективации. Особую значимость авторы придают именно социальным ресурсам, которые непосредственно связаны с социальным капиталом. Н.Е. Тихонова предлагает в качестве одного из индикаторов социальных ресурсов рассматривать наличие обширной цепи межличностных взаимосвязей (знакомств) [15]. Ю.А. Дроздова делает акцент на том, что развитие региона зависит от включенности основных территориальных общностей, представленных горожанами и селянами, в процессы модернизации и социального развития территории. Будущее региона определяется его социальными ресурсами, включающими человеческий и социальный капитал, событийность, социальную активность. Именно в процессе социальных взаимодействий происходят создание и воспроизводство социальных ресурсов, обеспечение возможностей развития территории [3]. Понимание социального ресурса как основы и актива развития территории прослеживается в работах Р.А. Лоуга, который обозначает социальный ресурс как нематериальный актив местного самоуправления, богатство местной жизни [6]. Уровень социального участия непосредственно взаимосвязан с социальными ресурсами и формированием социального капитала. Это взаимообусловленный процесс. Создавая свои социальные сети, наиболее активные слои населения применяют разного рода практики социального участия,

тем самым усиливают свой личный социальный капитал. И, как следствие, происходит повышение уровня солидарности, становится более выраженным уровень социальной активности в обществе в целом.

В отечественной и зарубежной практике проблематика изучения социального участия наряду с его измерением в формах гражданского и политического участия широко представлена в последние годы. Изучение участия в целом и такой его формы, как социальное, получило широкое распространение в трудах А.А. Мерзлякова и В.С. Богданова [1], И.А. Скалабан и Л.И. Никовской [8; 14]. Наиболее широко применяемое в отечественной практике определение социального участия дано И.А. Скалабан: «...социальное участие представляет собой коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, осуществляемую ими в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса» [14]. Серьезный пласт исследовательской информации находится в измерении и изучении ценностей и мотивов социального участия. С точки зрения Ю.В. Савельева, реальные практики участия действующих людей (акторов) основаны на их гражданских ценностях, взаимном доверии, солидарности, исходят из имеющихся социальных навыков, степени ответственности и уровня самоуправления [12]. Локус ответственности и солидарность как движущие силы активности граждан обозначены у Т.А. Гужавиной и Н.Н. Ясникова [19].

Для изучения уровня участия населения получил распространение подход, представленный в Европейском социальном исследовании [21]. В нем выделяются следующие виды: традиционное политическое участие; протестное политическое поведение; участие в деятельности общественных объединений (членство, содействие без членства); неформальное общественное участие; неформальная помощь (разнообразные формы активной индивидуальной и групповой помощи другим вне социальных и благотворительных объединений). К социальному участию относятся последние три формы. Данный подход стал основой эмпирического измерения социального участия в данном исследовании, потому что такая классификация очень детально разделяет все формы участия и не создает методологической путаницы. Тогда как конкретные практики разных форм социального участия из Европейского социального исследования были расширены и адаптированы при помощи методики, разработанной исследовательской группой «ЦИРКОН» [7].

Для расширения представленной классификации неформальной помощи и операционализации социального участия можно использовать указанную методику «ЦИРКОНА». Исследователи склоняются к мнению, что социальное участие занимает промежуточное значение между бытовым (соседским) и гражданским уровнями. Самое главное, что на этом уровне происходят формирование общих интересов, уста-

новление стабильных и более интенсивных контактов и как результат сплочение, которое приводит к коллективным рациональным действиям. В исследовании выделяются следующие виды социального участия горожан: помогающее поведение, или волонтерство, благотворительность, предоставление информации и различных услуг; участие в решении городских проблем, повышение качества жизни или активность сообществ по социальной проблематике с целью повышения качества жизни; культурная, спортивная и досуговая активность; деятельность творческих и профессиональных объединений; защита интересов отдельных социальных групп, для которых необходим учет своих специфических потребностей. По результатам исследования доказывается, что наиболее типичными и распространенными формами активности являются помогающее поведение, а также общественно полезная деятельность в рамках городских пространств [7]. Похожие результаты обнаруживаются и в работах Р.В. Петухова и В.В. Петухова (участие сосредоточено на тех направлениях, которые связаны с повседневной жизнью и интересами граждан: интернет-сообщества по интересам, ассоциации соседей и ТСЖ, профессиональные сообщества, работа благотворительных организаций) [10]. Исходя из результатов исследований, доказывается, что устойчивый активизм проявляют только лидеры и ядро сообщества, а для периферии сообщества характерен ситуативный активизм, или в соответствии с определением, сформулированным в подходе «ЦИРКОНа», «пассивный активизм» (не требует особых затрат, разовая благотворительность) [7].

Проблема заключается в том, что при изучении уровня активности и участия в современном российском обществе, а также мотивации, как правило, ограничиваются изучением практик формального участия, которое, по результатам множества как отечественных, так и зарубежных исследований, слабо распространено в общих практиках населения. В России данный факт в числе прочего связывают с низким уровнем доверия. Тогда как практики общественного участия, неформальной помощи, которые в основном сосредоточены в направлениях повседневной жизни, территориального благоустройства, благотворительности, в практиках помогающего поведения распространены существенно шире, но не всегда становятся объектом исследования. Но именно они чаще всего направлены на социальные изменения локального уровня, и именно в них заключается база для развития города, региона, поселения.

Методология и методы исследования

Эмпирической базой настоящего исследования стали данные, полученные в ходе реализации проекта «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» (грант РФФИ № 20-011-003262020). Опрос проводился в 2020 г. на территории

Вологодской области в двух крупных городах — Вологде и Череповце, а также в 8 районах. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой взрослого населения региона. Объем выборки составил 1918 человек. Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS версия 25 (статистический пакет для социальных наук).

Методологические принципы изучения социального участия соответствуют методике Европейского социального исследования, где они представлены в двух индикаторных вопросах: «В каких формальных организациях Вы состоите?» и «Какие дела Вы делали в последнее время?». В итоге была получена информация об уровне активности респондентов и о включенности в деятельность различных структур формального и неформального характера. В ходе обработки данных все респонденты были разбиты на группы в зависимости от преобладающих форм активности. Это позволило показать дифференциацию ответов самой инертной части населения, к которой относятся не состоящие в формальных организациях или не принимавшие участия ни в одной из предложенных практик неформального участия, и самой активной, к которой относятся состоящие в двух организациях и более или принимавшие участие в четырех практиках и более. Таким образом, основная идея исследования состоит в установлении наличия связей между собственно участием и вопросами/индикаторами, которые позволяют выявить уровень связей, сетей и солидарности среди членов сообщества.

Результаты и обсуждение

Формализованное участие. По результатам опроса, проведенного в 2020 г. на территории Вологодской области, уровень участия населения полностью соответствует общероссийским тенденциям [10]. Включенность населения региона в общественные организации невысока: 82% не связаны ни с одной из функционирующих общественных организаций, 12% состоят в одной, 4% — в двух, 2% — в трех и более. Наиболее популярные формы участия: членство в профсоюзах (3,8%), членство в благотворительных организациях (3,3%), членство в ветеранских организациях (2,8%). Отметим, что участие в благотворительных, общественных организациях в сфере домового, территориального управления (2,8%), в экологических, зоозащитных (2,3%), в организациях физкультуры и здорового образа жизни (2,2%) можно рассматривать как современный тренд, который связан с распространением новых культурных практик. Что касается общественно-политических объединений, то они представляют собой одну из наименее популярных формальных организаций, в них состоит около 1% вологжан.

Для обобщения данных и выявления связей мы сгруппировали всех респондентов на основании такого показателя, как количество практик формального участия независимо от того, в какой организации они состоят. Используемый метод позволил сформировать следующие группы: не участвующие (82%), состоящие в одной организации (12%), состоящие в двух организациях и более (6%).

Неформальное участие. Более широко оказались развиты практики неформального общественного участия. У жителей области наиболее популярны общественные работы по месту жительства (53%), в работе родительских комитетов задействованы 19% респондентов. Набирает популярность и благотворительная деятельность (17%). Популярны также практики подписания обращений, петиций в органы власти (13%), деятельность инициативной группы (13%), волонтерская работа (11%). Для понимания степени вовлеченности населения в различные практики общественного участия респондентам был представлен их перечень. По результатам выбора выявлено, что хотя бы одну общественную практику за последнее время использовали 35% респондентов, две практики — 22%, три практики — 10%, четыре — 5%. А вот 2% освоили пять практик и более.

Как и в предыдущем случае, респонденты были сгруппированы на основании индикатора количества применяемых ими практик неформального общественного участия независимо от того, какую именно практику они использовали за последние год-два. Получились следующие группы: не принимавшие участия (26%), принимавшие участие в одной практике (35%), в двух практиках (22%), в трех (10%), в четырех и более (7%).

Мотивация участия. Выявить наиболее популярные мотивы участия нам позволили ответы респондентов на вопрос «Если Вы участвуете в инициативной группе, общественной организации, что дает Вам это участие?». Для анализа использованы ответы наиболее активных групп населения. Была применена группирующая переменная и выделены ответы тех, кто состоит в двух общественных организациях и более (6%), и тех, кто за последние год-два применял четыре практики неформального общественного участия и более (7%).

Среди мотивов участия активистов в качестве ядра выделяются мотивы коммуникационного плана. На такой мотив, как «общение с интересными людьми», указали 36% респондентов среди членов общественных организаций и 33% среди активных пользователей общественных практик. На второй позиции — мотив «полезные знакомства» (27% и 23% соответственно), на третьем месте — мотив «появляются новые друзья» (23% и 21% соответственно). Среди активных участников формальных организаций на том же уровне (20%) мотив «уважение окружающих» (социальные связи) (рис. 1).

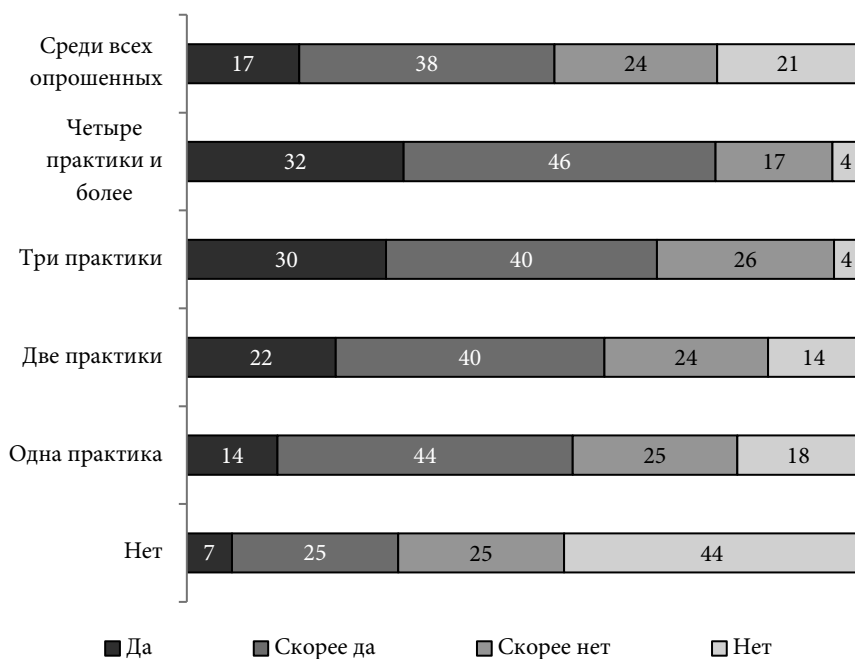

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы участвуете в инициативной группе, общественной организации, что дает Вам это участие?», %

Получается, что социальные мотивы, ориентирующие на расширение связей и контактов, у активистов на первом месте. Но нельзя однозначно утверждать, что эти мотивы являются для них осознанными

с точки зрения формирования личного социального капитала и прагматической цели получения от него отдачи. В первую очередь они являются теми социальными потребностями, которые обозначены в иерархии потребностей Д. МакКлелланда как потребности в причастности (постоянные контакты с людьми, получение одобрения). Тем не менее так или иначе социальные мотивы ведут к формированию социального капитала в обществе в целом. Данный факт подтверждается и при анализе ответов на другие вопросы исследовательского инструментария.

Анализ мотивации участия показал, что социальная помощь, поддержка нуждающихся являются далеко не основными мотивами деятельности респондентов. Но, формируя быстрый отклик на совместные коллективные действия, данные группы создают ресурсы для решения социальных проблем в обществе. Среди тех, кто за последнее время имел четыре практики участия и более, 78% готовы объединяться с другими людьми, чтобы помогать нуждающимся; среди неактивных таких только 32%, среди всех опрошенных их доля составляет 55% (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы помогать нуждающимся?» в зависимости от количества практик неформального участия населения, %

Участие, сети и социальный капитал. Участвуя в общественных делах, люди формируют свои сети и создают свой социальный капитал.

В связи с этим интерес представляет то, насколько прочны и устойчивы возникающие связи и отношения. Индикатором их состояния служит факт поддержки возникших контактов. Было выявлено, что из числа тех респондентов, кто состоит в двух формальных организациях и более, 30% ответили, что общаются часто и со многими их членами, 40% — с одним — четырьмя, 8% общаются с организаторами. Здесь мы наблюдаем одну из форм инвестиционных вложений в поддержку своего социального капитала в форме затраты времени на общение.

В процессе участия создаются сети взаимной помощи и поддержки, круг лиц, которым придут на помощь и которые откликнутся на призыв о помощи, то есть так называемый реципрокный обмен. Вполне закономерно, что на более близкий круг общения, состоящий из родственников и друзей, при необходимости помощи в случае возникновения проблемы реагируют и инертные обыватели, и активисты. Не помогают своим близким буквально единицы. Но среди людей, которые за последние год-два применяли четыре практики неформального участия и более, уровень помощи дальнему кругу общения существенно выше. Так, 26% помогали незнакомым людям (только 10% из тех, кто не использовал ни одной практики неформального участия), 29% — коллегам (только 14%, кто не использовал ни одной практики неформального участия) (табл.). Интересен тот факт, что практики неформального участия наиболее показательны с точки зрения расширения социальных контактов и формирования социального капитала общества в целом. Тогда как практики формального участия более ориентированы на формирование того самого прагматичного личного социального капитала. Например, среди тех, кто состоит в двух общественных группах и более, существенно ниже представлена безвозмездная помощь более широкому кругу общения. Так, только 14% активистов, практикующих формальное участие, помогали безвозмездно незнакомым людям, 30% — соседям и 23% — дальним родственникам, что, в принципе, соответствует распределению помощи среди всего населения.

Соответственно, объединяются и активисты для помощи с более широким кругом акторов. Если в целом среди населения 46% принимали участие в общественно полезных делах вместе с друзьями, то среди наиболее активных таковых 57%, вместе с родственниками — 34% и 41% соответственно, вместе со знакомыми — 36% и 43%. Опять же, с менее близким кругом они объединяются чаще. Так, например, с коллегами среди всего населения объединяются только 22%, среди активных — 39%.

Формируемая широкая сеть знакомств, общения, друзей дает и вполне ощутимый эффект отдачи. Так, например, среди тех, кто состоит в двух организациях и более, 36% утверждают, что при возникновении трудной жизненной ситуации смогут обратиться за помощью к членам организации, в которой состоят. Общие связи у них тоже существенно шире. Респондентам был задан вопрос, который значимо раскрывает сущность отдачи от сформированного социального

капитала: «Если вдруг Вам понадобится некоторое количество денег, скольких людей вне Вашей семьи Вы бы могли попросить?». Среди всех опрошенных 13% отмечают в своем окружении пять человек и более, к кому они могут обратиться. А вот среди наиболее активных их уже 22%. Трех-четырех человек называют 27% от числа участвовавших в опросе, среди активных участников организаций их уже 43%!

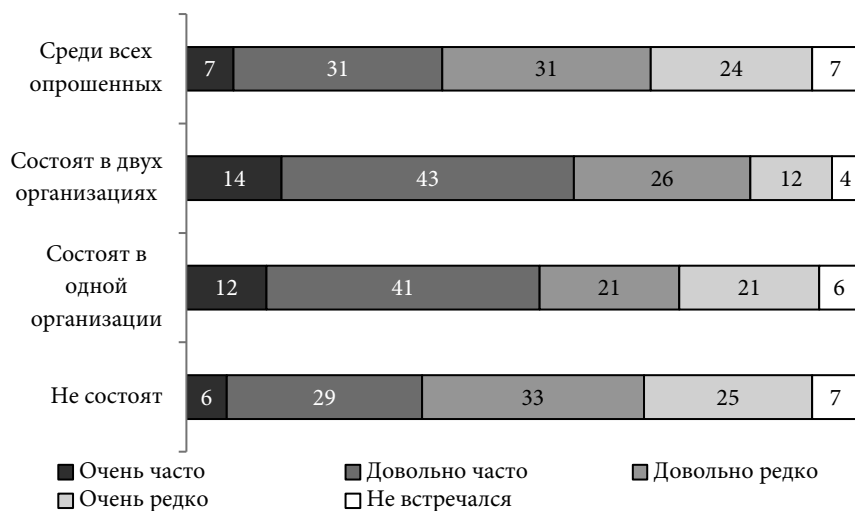
Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Кто были те люди, которым Вы помогали безвозмездно?» в зависимости от количества практик неформального участия населения, %

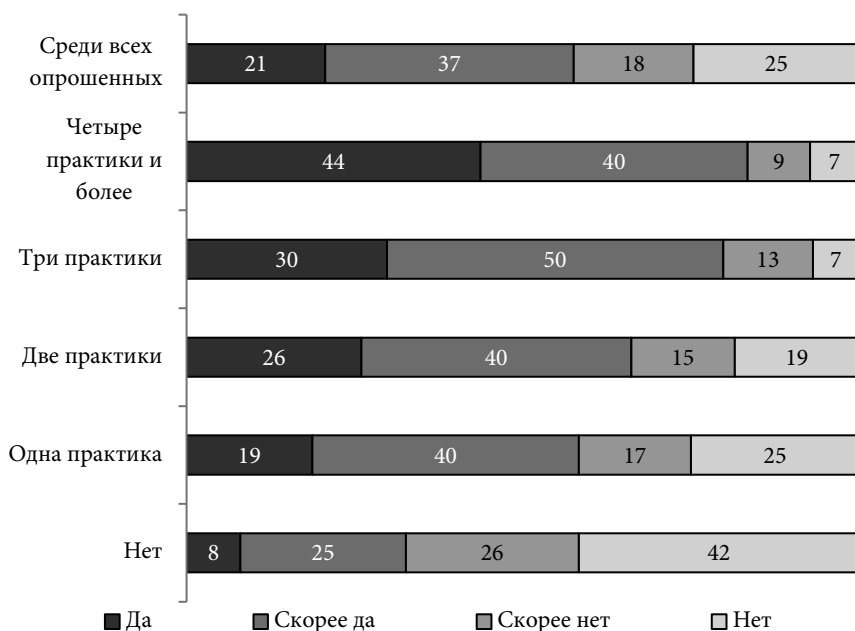
Варианты ответа	Не использовали практики	Одна практика	Две практики	Три практики	Четыре практики и более	Общий
друзья	50	49	46	40	49	47
знакомые	31	45	45	52	45	44
соседи	30	32	37	29	30	32
дальние родственники	31	26	28	25	25	27
коллеги, сослуживцы, соученики	14	20	20	21	29	20
незнакомые люди / прохожие	10	11	13	20	26	14
прихожане моей церкви, члены религиозной общины	0	2	3	3	3	2
участники моей общественной организации, группы по увлечению	1	2	2	6	10	3
участники интернет-сообщества	2	1	2	6	10	3

Активное участие в общественной жизни имеет еще один позитивный эффект. В этом процессе происходит формирование комфортного микроклимата. Более половины активистов (57%) считают, что среди окружающих их людей часто можно встретить тех, кто готов помогать друг другу. Тогда как среди всего населения такого мнения придерживаются чуть более трети (рис. 3).

Широкая сеть знакомств дает и социальный ресурс для действия, формируя активный и легкий на вызовы круг общения, гибкие практики социального участия. Среди наиболее активных групп населения по неформальному участию 84% согласятся действовать в общественно полезных целях, если в них примут участие их друзья и родственники (рис. 4). Среди неактивных таких только 33%. Подтверждается более низкая доля ответов на социальный вызов активных участников общественных организаций по сравнению с активистами практик неформальной помощи. Среди них 32% согласятся и еще 42% скорее согласятся принять участие. Тем не менее это существенно выше, чем среди всего населения в целом.

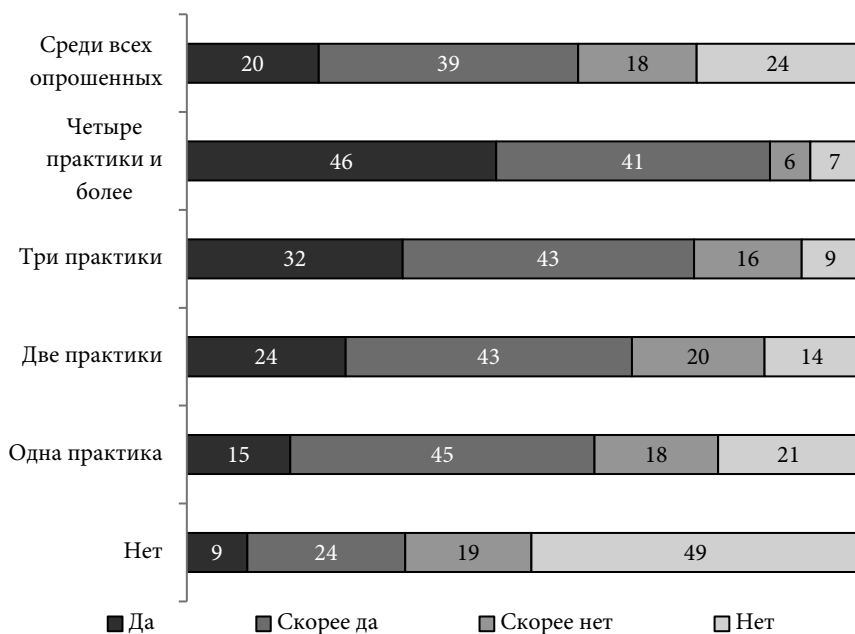

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько часто сейчас можно встретить среди окружающих Вас людей готовых помогать друг другу?» в зависимости от членства в общественных организациях, %

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Согласитесь ли Вы принять участие в общественно полезных делах, если в них примут участие Ваши друзья или родственники?» в зависимости от количества практик неформального участия населения, %

Получается, что самый главный позитивный эффект от социального участия состоит в том, что, формируя свои личные сети, свой социальный капитал, активисты формируют и социальный капитал общества в целом, который проявляется в их стремлении к солидарности, готовности откликнуться на призыв о помощи, принять участие в мероприятиях для решения широкого круга проблем. Среди тех, кто принимал участие в последнее время в четырех общественных практиках и более, 87% готовы объединяться с другими людьми для участия в самоуправлении домом, подъездом, тогда как среди тех, кто вообще не участвовал ни в каком мероприятии, таких только 32%, а в целом среди опрошенных — 59% (сумма ответов «да» и «скорее да») (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми для участия в самоуправлении домом, подъездом» в зависимости от количества практик неформального участия населения, %

Различия, как видим, значительные. Следует оговориться, что данный вопрос является проективным, и далеко не все намерения реализуются на практике. Однако можно со значительной долей уверенности утверждать, что среди тех, у кого есть такие намерения и установки, вероятность отклика будет существенно больше. Это подтверждается и ответами на вопрос о безвозмездной помощи. Готовность объединяться, чтобы помочь нуждающимся, высказали 78% активистов неформального участия и только 55% среди всего числа опрошенных. Как показали данные исследования, именно они за последнее время

чаще оказывали безвозмездную помощь. На вопрос «Были ли случаи за последний год, когда Вам пришлось помогать кому-либо безвозмездно (не членам семьи и близким родственникам)?» 78% ответили утвердительно, среди всего населения таких 52%. Среди активистов формального участия таких немного меньше, готовность высказали 68%, реально помогли 70%.

Выводы

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, отметим, что практики членства в официальных общественных организациях малопопулярны среди населения. По данным общероссийских исследований, в них не принимали участия 80% населения, среди жителей Вологодской области их доля составила 82%. Исследование показало, что существенно шире распространены практики участия без формального членства. Они, как правило, касаются благоустройства территории проживания, проведения досуга, то есть повседневной коллективной деятельности.

Подтвердилась главная гипотеза исследования относительно основного мотива социального участия. Независимо от формы участия основной мотив связан с такими социальными потребностями, как потребность в сопричастности, налаживание сети социальных контактов, желание расширить круг знакомств, получить полезные связи, наконец, просто завести друзей. Мотивы социальной помощи и помощи в решении проблем города, региона важны для участвующих, но стоят на втором месте после коммуникационных мотивов. В процессе первичного участия формируются связи, контакты, личный социальный капитал, поскольку чем шире участие человека в разного рода практиках, тем больше круг общения, охватывающий как тех, кто составляет близкий расширенный круг друзей и знакомых, так и более дальний, включающий коллег, членов общественной организации, участников совместных акций. Данные связи становятся накопленным в результате участия социальным капиталом активистов, создают им определенный морально-психологический комфорт в жизни, устойчивость положения, уверенность в том, что при возникновении проблем у них есть те, к кому можно обратиться.

Были выявлены существенные расхождения при формировании социального капитала у активистов формального и неформального участия. Если для первых целью чаще является именно прагматическое формирование личного социального капитала, то для вторых более важны социальные потребности в общении. При этом практики неформального участия дают больший эффект развития социального капитала для общества в целом. Это объясняется тем, что они, во-первых, существенно шире представлены, соответственно, и прирост социальных контактов совокупно создают больший. Во-вторых, участники неформальных практик более ориентированы на объеди-

нение для решения социальных проблем, на помогающее поведение, то есть эффект для общества и формирования социального капитала как нематериального актива развития региона существенно выше. Тем не менее, несмотря на выявленные различия, основной эффект заключается в формировании социального капитала общества в целом.

Однако самый главный социальный ресурс для общества состоит в том, что практики социального участия приводят к формированию солидарности, активности, быстрой реакции на общественно значимые проблемы. Активисты, укорененные в связях с такими же активными членами общества, более готовы к объединению для решения различных социальных проблем — от благоустройства территории до социальной поддержки нуждающихся. Таким образом, формирование социальных связей приводит к усилению солидарности и становится драйвером развития соучаствующего поведения в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов В.С., Мерзляков А.А.* Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4. С. 66–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6 EDN: POIDJZ
2. *Гужавина Т.А.* Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 EDN: XYLJCX
3. *Дроздова Ю.А.* Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557 EDN: ZCIXOX
4. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Предпосылки и проблемы участия в инновационной деятельности // Вестник института социологии. 2016. Т. 17. № 2. С. 66–90. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.398 EDN: WXVJIL
5. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
6. *Логуа Р.А.* Социальные ресурсы местного самоуправления: инновационные технологии реализации // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 9 (90). С. 16–19.
7. Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки. Основные выводы по результатам комплексного исследования. 2018 // ЦИРКОН. Дата обращения 25.02.2020. URL: <https://clck.ru/PkrPg>
8. *Никовская Л.И., Скалабан И.А.* Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 EDN: ZVMOKH
9. *Патнэм Р.* Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 26–80.

10. *Петухов В.В., Петухов Р.В.* Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–38. DOI: 10.19181/viz.2021.12.1.697 EDN: IKKVCJ
11. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32. EDN: OYUVFF
12. *Савельев Ю.Б.* Основные типы участия в общественной жизни европейских стран // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 64–71. EDN: PXUODS
13. *Скалабан И.А.* В поисках солидарности. Общественное участие в зеркале теории социального капитала // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 304–315. EDN: TOPJKH
14. *Скалабан И.А.* Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130–139. EDN: NQYPRТ
15. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 12–26. EDN: OYOAUH
16. *Bourdieu P.* Forms of Capital // The Sociology of Economic Life / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001. P. 96–111.
17. *Callois J.M., Schmitt B.* The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in Frech rural areas // Review of Agricultural and Environmental Studies. 2009. No. 90 (3). P. 257–286.
18. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95–120.
19. *Guzhavina T.A., Yasnikov N.N.* Values and Social Capital of the Regional Community in Russia // Research Result. Sociology and management. 2021. № 7 (3). P. 22–33. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-3 EDN: EKVFIP
20. *Jones B.J.* Social Capital in American life. Cham: Palgrave Pilot, 2018. — XIV, 206 p.
21. *Kenneth N., Heiko G.* Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations // Discussion Paper SP IV 2008–201. WZB Berlin Social Science Center [online]. Accessed 03.12.2022. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49726/1/587500093.pdf>
22. *Loury G.* A Dynamic Theory of Racial Income Differences // Women, minorities, and employment discrimination / Ed. by P.A. Wallace, A. Le Mund. Lexington, MA: Lexington Books, 1977. P. 153–188.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Ирина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУВО «Череповецкий государственный университет».

Телефон: (88202) 518-558. **Электронная почта:** vorobyova-i-n@yandex.ru

Гужавина Татьяна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН). Телефон: (8172) 597-803. Электронная почта: tanja_gta@mail.ru

Дата поступления: 21.09.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 4. P. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9316

Research Article

IRINA N. VOROBEVA¹, TATYANA A. GUZHAVINA²

¹Cherepovets State University.

5, Lunacharsky Ave., 162600, Cherepovets, Russian Federation.

²Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

56a, Gorky st., 160014, Vologda, Russian Federation.

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF SOCIAL PARTICIPATION: THE CASE OF THE VOLOGDA REGION

Abstract. The most important resource for the development of a territory that provides dynamism and ensures adaptation to changes is a society's energy for activity. The activity resource of a city, region or settlement, in our opinion, can be measured by the development of practices of social participation among its population. The main types of social participation are involvement in formal public organizations, informal participation, which consists of collective practices of participation without membership in organizations, and practicing helpful behavior, which may be purely personal in nature. The level of social participation is influenced by external and internal factors. External are a region's socio-economic characteristics, activity of organizations and authorities aimed at stimulating and involving the population in the practice of participation. Internal factors include motivation to participate, attitudes and values that influence the population. The basic hypothesis of the study is that the fundamental motive for social participation is the creation of a network of social ties, the expansion of contacts, which contributes to the accrual of social capital. At the same time, different forms of social participation have different potential for accrual of social capital. Paradoxically, it is most actively formed within the framework of informal participation practices. To prove this trend, the categories of social capital and social resources that are well-known and widely used in theoretical and practical research activities are used. The empirical basis of the study was a representative survey of the population of Vologda Oblast. It was revealed that the most important reasons for involvement in the activities of public organizations and involvement in informal participation, according to most active segments of the population, include "communication with interesting people", "useful connections", "making new friends". Social participation acts as a mechanism for the formation of personal social capital. A side effect of this is the formation of group social capital and the social capital of the territorial community as a whole. This happens due to the expansion of networks and an increase in solidarity, responsibility and willingness to unite, which, in turn, stimulates participation, which becomes an important social effect for the development of the territory. The practical significance of the study is to identify the core of motivation of active segments of the population, which is a guideline

for building a policy of involving more inert groups of the population in the practice of social participation.

Keywords: social capital; social resources; social networks; solidarity; social participation; motivation for participation.

For citation: Vorobeva, I.N., Guzhavina, T.A. Social Capital as a Factor of Social Participation: The Case of the Vologda Region. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9316

Acknowledgments. The article was carried out with the financial support of the RFBR. Grant No. 20-011-00326 “Collective Action and Social Capital in Russian Society”.

REFERENCES

1. Bogdanov V.S., Merzlyakov A.A. Diagnostics of the potential of social participation in the context of organizing feedback between authorities and population. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 2018. No. 4. P. 66–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6 (In Russ.)
2. Guzhavina T.A. Social capital of the urban community: Trust, solidarity, responsibility. *Ekonomicheskoe i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2018. No. 4. P. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16 (In Russ.)
3. Drozdova Yu.A. Resource approach in studying territorial communities. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 82–103. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557 (In Russ.)
4. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. The preconditions and problems of partaking in innovative activities. *Vestnik instituta sotsiologii*. 2016. Vol. 17. No. 2. P. 66–90. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.398 (In Russ.)
5. Coleman J. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. No. 3. P. 122–139. (In Russ.)
6. Logua R.A. Social resources of local self-government: innovative implementation technologies. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 9 (90). P. 16–19. (In Russ.)
7. Non-institutional social activity of citizens: forms of implementation and possible support. Key Findings from the Comprehensive Study. 2018. *ZIRKON*. Accessed 25.02.2020. URL: <https://clck.ru/PkrPg> (In Russ.)
8. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017. No. 6. P. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 (In Russ.)
9. Putnam R. Thriving community, social capital and public life. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1995. No. 4. P. 26–80. (In Russ.)
10. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Socially active groups of Russian society: Forming a demand for democratic participation. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697 (In Russ.)
11. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 4. P. 20–32. (In Russ.)
12. Saveliev Yu.B. Main Types of Public Life Participation in European Countries. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 2013. No. 12. P. 64–71. (In Russ.)
13. Skalaban I.A. In Search of Solidarity. Public Participation in the Mirror of the Theory of the Social Capital. *Vestnik NSUEM*. 2015. No. 1. P. 304–315. (In Russ.)
14. Skalaban I.A. Social, public and civic participation: To the problem of understanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2011. No. 1. P. 130–139. (In Russ.)

15. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 12–26. (In Russ.)
16. Bourdieu P. Forms of Capital. *The Sociology of Economic Life*. Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001. P. 96–111.
17. Callois J.M., Schmitt B. The role of social capital components on local economic growth: Local cohesion and openness in Frech rural areas. *Review of Agricultural and Environmental Studies*. 2009. No. 90 (3). P. 257–286.
18. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Supplement. P. 95–120.
19. Guzhavina T.A., Yasnikov N.N. Values and Social Capital of the Regional Community in Russia. *Research Result. Sociology and management*. 2021. No. (3). P. 22–33. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-0-3
20. Jones B.J. *Social Capital in American life*. Cham: Palgrave Pilot, 2018. — XIV, 206 p.
21. Kenneth N., Heiko G. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. *Discussion Paper SP IV 2008–201. WZB Berlin Social Science Center*. Accessed 03.12.2022. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/49726/1/587500093.pdf>
22. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences. *Women, minorities, and employment discrimination*. Ed. by P.A. Wallace, A. Le Mund. Lexington, MA: Lexington Books, 1977. P. 153–188.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Vorobeva — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Cherepovets State University. **Phone:** (88202) 518-558. **Email:** vorobyova-i-n@yandex.ru

Tatyana A. Guzhavina — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. **Phone:** (8172) 597-803. **Email:** tanja_gta@mail.ru

Received: 21.09.2022.
